

Григорий Явлинский: «Демократия является фундаментальным интересом нашего общества, государства, всей нашей страны. Потому что только демократия может обеспечить свободную, безопасную и интересную жизнь»

Выступление на Круглом столе «"Демократия и я". Личностные измерения демократических процессов: как стать, быть и оставаться демократом» Горбачев-Фонд, 14 ноября 2018

Друзья! Прежде всего я хочу поблагодарить Фонд Горбачева за приглашение сказать вам, что всякое мое выступление в Фонде Горбачева - для меня очень большая честь.

Нам трудно сейчас осознать масштаб всего, что произошло в мире в связи с именем, деятельностью и личностью Михаила Сергеевича Горбачева. Но думаю, что еще при вашей жизни это получит совсем другое, гораздо более мощное и достойное звучание.

Коль мы говорим с вами про демократию, то я хотел бы все же несколько слов сказать именно в этой связи о том, что делал Михаил Горбачев. Если говорить совсем коротко, Михаил Горбачев дал свободу. Масштаб предоставления свободы, которую он дал, превышает все мыслимые в истории человечества пределы. Потому что это коснулось около миллиарда людей. Это Советский Союз, вся Восточная Европа. И эти процессы оказались совершенно гигантскими.

Сейчас Горбачева очень много критикуют, высказывают очень много обидных слов в отношении его. Но, на самом деле – и очень важно, чтобы это было понятно: Горбачев дал свободу. А что мы с ней сделали – это уже наши проблемы, а не его. А его критикуют за то, что мы сделали после того, как он дал свободу. Он открыл клетку и разрешил всем выйти, сказал: выходите, живите, как вы хотите. Но вот как мы хотим, так мы живем. Это сделали мы, а не он. И это надо всегда помнить. И это всегда надо понимать.

Потому что это - колоссальный масштаб. Это было сделано мирно, без унижения кого-либо. Это сделано было в очень короткий срок. Это уже другая тема: что он сам ожидал, чего он не ожидал. Но факт заключается именно в этом. Свобода была предоставлена, и каждый ею распорядился как смог. Восточная Европа по-своему ею распорядилась, ну а Россия – по-своему.

Хочу поэтому заметить: если глубоко не разобраться с наследием Горбачева, трудно говорить о какой бы то ни было демократии. Именно поэтому я начал свое выступление с благодарности Михаилу Сергеевичу.

Хотел бы поблагодарить Фонд Конрада Аденауэра, который, как я понимаю, тесно сотрудничает с Христианско-демократической партией Германии. И сказать: то, что было сделано в Германии после Второй мировой войны, - это гигантская работа, тоже имеющая, наверное, мало прецедентов в истории. И нам, безусловно, есть чему поучиться, особенно в части преодоления и изживания механизмов войны, нацизма, национализма.

Сейчас, буквально в последние три-четыре дня, в Европе проходили разные события, посвященные окончанию Первой мировой войны. И я бы очень рекомендовал вам почитать серьезные репортажи о том, что происходило в Париже, Лондоне и что, например, происходило в Варшаве. Это будет очень важно. Вы увидите, что уроки Первой мировой войны, ее причины (как и причины Второй мировой войны как следствия Первой мировой войны) далеко не усвоены даже странами, входящими в Евросоюз. И там очень многие вопросы остаются нерешенными. Даже то, как вспоминают погибших, как устроены мемориалы, например, в Берлине и в бундестаге можно найти надписи, сделанные советскими солдатами. Это же специально сделано. Вы можете увидеть и то, о чем уже сегодня было сказано (Мариан Вендт говорил), - мемориал, посвященный Холокосту. Еще есть мемориал, посвященный уничтожению цыган и мемориал, посвященный уничтожению гомосексуалистов. Все это очень серьезно. И ни

одна другая страна Европы в таком объеме воспоминания о происходящем не несет. Это очень сложная тема.

Тот процесс, который сейчас идет между Германией и Францией, все, что сделали прямо сейчас Меркель вместе с Олландом, и то, что президент Германии прилетел в Лондон на этот праздник, – это все имеет огромное значение и напрямую относится к сегодняшнему дню и, конечно, к фундаментальным основам демократии.

Но все это процессы, отражающие теоретические аспекты демократии. Они свидетельствуют о том, что сейчас существует большая опасность новой большой войны, о том, в каком положении оказался Евросоюз в этой связи, и почему он оказался в этом положении.

Если вы посмотрите выступление Макрона, то поразитесь тому, сколько и в каких резких выражениях он говорит об этой опасности войны. И тогда вы подумаете, например: почему все же он свою речь заканчивает словами: «Vive la France!» - «Да здравствует, Франция!».

Это интересные и полемические моменты, о которых я вам сейчас говорю.

Теперь я хотел бы перейти к той теме, ради которой меня пригласили. Во-первых, должен сказать, что в отличие, например, от Мариана Вендта - я никогда не жил в демократической стране.

Я никогда не жил в демократической стране. Поэтому меня представлять как демократа очень трудно. Какой может быть демократ, если он никогда не жил в стране, где есть демократия? - Это все равно как пловец, который никогда не бывал в воде. Поэтому настоящую демократию я на себе никогда не испытал. Было небольшое окошко в конце 80-х, когда было похоже, что демократия подходит, наступает. А потом окошко захлопнулось – и всё. И больше ее не было. Это очень важно первым делом сказать.

Во-вторых, почему я заслужил такое определение, что я демократ? Вообще-то по образованию я экономист. Я работал всю свою жизнь в сфере

экономики - макроэкономики. И мне, например, стало совершенно ясно, когда я приступил к практической работе в конце 70-х, в 80-е годы, что советская экономика работает очень плохо, очень неэффективно, с низкой производительностью, отстает по очень многим параметрам.

Как экономист я стал искать решение. И увидел, что есть другие страны, где экономика работает очень эффективно. Я стал сравнивать и думать, почему там она работает, а здесь она не работает. Стала картина вырисовываться, что всегда на длительном, протяженном участке времени лучше работает та экономика, которая принадлежит демократическим странам - странам, которые так себя называют, по крайней мере. А в других странах она не работает.

Что было главным для экономики и что остается главным, и что будет главным? Здесь я должен сказать, что экономика постиндустриального общества – это экономика свободного человека. Это самый фундаментальный принцип. Перейти от аграрной экономики к индустриальной можно с помощью физической силы: взять людей, нанять или посадить, заставить их копать Беломоро-Балтийский канал, или строить ДнепрогЭС с лопатами, или еще что-нибудь. Это получается: создаются крупные промышленные предприятия. История показывает, что всегда с помощью методов принуждения – они, правда, варьируются, не всегда они такие безумно кровавые, как были при Сталине, но все же, - можно создать индустриальную экономику.

А вот постиндустриальную экономику могут создать только свободные люди. Всё. Можно хоть миллион человек с лопатами поставить – ничего не получится. Потому что свободная экономика создается интеллектом, а интеллект развивается только в условиях свободы. Современная экономика создается интеллектом, а интеллект развивается только в условиях свободы.

Поэтому это вопрос абсолютно принципиальный. Здесь вас когда-нибудь спросят: можете ли вы сказать, как создать эффективную экономику?

Я вам даю рецепт. Он состоит из двух слов: свобода и закон. Если есть свобода и закон, у вас будет экономика. Если у вас нет свободы и закона, у вас не будет экономики. Всё, точка – больше ничего обсуждать не надо.

И это самое главное. А почему свобода такая главная, почему она такая важная? Потому что современная экономика или постиндустриальная экономика – это экономика самореализации. Это экономика, в которой лично вы, каждый из вас может реализовать себя в наибольшей степени. Тогда можно достичь очень крупных результатов. И чем дальше, тем большее значение это будет иметь.

Вот я и пришел к выводу, что раз это так, значит, нужно что-то такое делать для того, чтобы наша страна использовала тот опыт, который есть в мире для того, чтобы экономика хорошо работала.

Но здесь возникает новая тема. Все называют себя демократами. Вот Мариан Вендт. Он родился где? - В Германской Демократической Республике. Сегодня у нас какая страна есть? Корейская Народно-Демократическая Республика. Пожалуйста. Слово демократия – это для всех. Все называют себя демократами. В Советском Союзе была демократия, иногда ее называли «советская». Мы тоже говорили, что это демократия.

Один деятель не так давно придумал «суверенную демократию». Вы же все знаете об этом. Суверенная демократия. Потом еще говорят: а вот знаете, в каждом обществе своя демократия. И тут я растерялся. Думаю: как же так, если везде демократия разная, то тогда что надо строить? Строить - как у кого?

И оказалось, что еще до того, как создастся демократия, есть некие фундаментальные вещи, без которых ничего нельзя сделать. Несколько фундаментальных вещей, без которых просто вообще ничего не получится, если идти по этому пути. Их немного, но они совершенно фундаментальные. Во-первых, это свобода слова. Не будет свободы слова – ничего не будет.

Пожалуй, самое мощное и самое главное, что сделал Михаил Сергеевич Горбачев: он показал людям - по не известной мне до сих пор причине - что можно говорить то, что ты думаешь, и тебя не посадят в тюрьму и даже не уволят с работы, и не выселят из Москвы. Что было раньше совершенно невероятно. Это невозможно было себе в советское время представить. Оказалось, что мало того, что можно говорить то, что ты хочешь, ты еще можешь выйти в телевизор и там сказать то, что ты хочешь. Правильно, неправильно сказать – это уже другой вопрос. Но ты можешь реально сказать то, что ты считаешь нужным, и не попасть за это в тюрьму.

Это был перелом. Потому что система, которая существовала раньше, была построена на лжи. И как только появилась правда, - все развалилось. Вот поэтому так быстро произошли изменения.

Кстати говоря, если бы сейчас опять появилась возможность всерьез, на больших экранах, говорить то, что каждый считает нужным, и вас бы при этом не закрикивали, не застукивали, не обзывались бы, не дрались, - через полгода ситуация в стране была бы другая. Просто другая – и всё. Потому что вранье, как снег на солнце, тает, когда люди говорят то, что думают.

Свобода слова - это первое. Без нее никак невозможно.

Второе – это разделение властей. Вы знаете, что это такое. У нас это написано в Конституции, как и про свободу слова тоже. Ничего этого у нас нет – никакого разделения. Власть есть, а разделения нет. Это точно.

А что такое разделение властей? Это вещь простая. Это, например, чтобы суд подчинялся только закону и больше никому. Чтобы нельзя было туда позвонить, что-нибудь сказать, чтобы не брали так много взятки. Наверное, взятки везде берут взятки. Но иногда только и делают, что берут взятки. А иногда все-таки боятся... Надо, чтобы суд был независимым, и чтобы законы принимал независимый парламент. Это вторая особенность.

А что такое независимый парламент? Это когда он представляет интересы разных групп, большинства граждан. В России парламент не

может быть 450 человек. Невозможно, чтобы в стране, где живут 140 миллионов, 450 человек представляли интересы 140 миллионов. Так не может быть. Тем более что все 450 принадлежат одной партии. Как и раньше было. И это теперь так.

Поэтому, когда президент говорит «надо завтра передвинуть время на два часа вперед», вся научная общественность говорит, что это гениальная идея – коровы будут доиться лучше, еще что-то такое будет происходить. Проходит три-четыре года, он же говорит, что надо передвинуть

Время на два часа назад. Передвигает назад. И парламент опять кричит: это же гениальная мысль, как мы раньше не додумались, что все надо передвинуть – сначала туда, потом сюда.

Это наша жизнь. Так мы живем. Потому что, если говорить, что суд должен подчиняться закону, нужно тогда еще обязательно добавить, что это должен быть действительно закон, а не просто бумажка, которую утверждают просто потому, что президент велел ее утвердить. Поэтому вторая важная вещь – разделение властей.

Есть еще исполнительная власть, контроль над ней. Но я в такие дебри не буду вдаваться. Это все вы можете прочитать. Это все написано, но ничего этого нет.

И третья вещь – очень важная – это частная собственность. Настоящая частная собственность, не такая, как у нас, а настоящая. Та, которая неприкосновенна, которую никто не может отобрать и которую тебе не подарили. Сейчас у нас все жалуются: кого-то в Давос не пускают. Все плачут. Но речь идет не о той собственности, которую тебе дали, а о настоящей частной собственности – той, которую ты заработал. Которая создана твоим трудом, твоими способностями, твоим интеллектом. Без этой частной собственности ничего не может быть. Почему? Потому что без такой частной собственности не может быть свободных СМИ. А без свободных СМИ не может быть свободы слова. А без настоящей частной собственности

не может быть мощных независимых политических партий, потому что у них не будет независимого финансирования. Ничего из этого не получится, если нет частной собственности.

Вот, по крайней мере, три совершенно фундаментальные обстоятельства. Я не знаю, называются ли они демократией, или не называются демократией, - но без них ничего нельзя сделать. То есть невозможно создать современную работающую экономику.

Я стараюсь говорить с вами совершенно прагматично, если можно так выразиться. Но это дело очень сложное, как оказалось. Потому что за всеми этими мероприятиями стоит вопрос смены власти. Если власть не меняется двадцать лет – всё, и ни о какой демократии говорить невозможно. Потому что мафия тогда становится непобедимой, и коррупция – тоже. Как победить коррупцию, если власть не меняется? Никак, невозможно.

Поэтому государство становится мафиозным, и работает как мафиозное устройство. Это вещь тоже очень серьезная. Всему этому может противостоять только то, что мы называем демократией.

У Христианско-демократической партии Германии есть одна особенность. Эта партия не зря называется Христианско-демократической: в фундамент своей политики она положила христианские ценности. Это очень важно. Но этого мало. Нужно еще понимать тот вызов, который сейчас стоит перед нами: наступает время, когда происходит эрозия того ценностного подхода, который сложился после Второй мировой войны. Тогда человечество получило такой урок, что оно обратилось именно к этим фундаментальным ценностям. Но как обычно бывает, через несколько десятков лет понимание этого вопроса постепенно стало уходить.

И уже с 90-х - начала 2000-х годов ясность и четкость понимания этого обстоятельства исчезли, но возникла тема институционализации принципов и ценностей демократии. То есть речь идет о том, что принципы, о которых мы с вами говорили, и шире, те христианские ценности, которые лежат в

основе демократии, постепенно должны быть превращены в государственные институты, в способ работы государственных институтов. То есть суд должен быть справедливым, и люди его должны воспринимать как справедливый и милосердный - тогда суд будут уважать в стране и тогда люди захотят заниматься экономикой, частным бизнесом. Потому что они поверят, что их интересы защищены.

Это же касается всех других институтов. Но это длинный разговор и очень серьезный. Поскольку, наверное, надо мне заканчивать все длинные разговоры, поэтому я хотел бы сказать вам следующее. Думаю, сегодня наша страна находится на таком этапе своего развития, когда то, что мы с вами можем назвать демократическими ценностями или институтами, демократическими правилами, демократической политикой, - это, на самом деле, в интересах всех. Не только тех, кто привык называть себя демократом, но в интересах абсолютно всех граждан.

Всем 99% граждан Российской Федерации, независимо от их взглядов, нужен справедливый и независимый суд. Это *sine qua non* - это абсолютно необходимые условия жизни в современном обществе. Независимая судебная система. Реально работающий парламент. Реально вырабатываемые законы. Контроль над властью. Неприкосновенность частной собственности. Это - в интересах всех.

Поэтому, строго говоря, демократические реформы, о которых здесь у нас идет речь и которые мы обсуждаем, нужны сегодня как образ жизни самой страны, как способ жизни общества. Иначе нас ждут очень большие проблемы – и не просто большие проблемы, но большие трагедии. Потому что иначе нельзя назвать войну России с Украиной, например. Просто нет другого названия, кроме как страшная трагедия на многие десятилетия вперед. И огромное преступление. Это происходит именно потому, что в стране нет демократии.

Последнее короткое замечание. Есть существенная разница между политиком и социологом. Иногда политики говорят: а вот люди этого хотят и поэтому и т.д. Это не политика, совсем не политика. Да, надо знать, чего хотят люди. Надо понимать, чего хотят люди. Но политик должен предлагать людям путь, который обеспечит им безопасность, мирную жизнь, благосостояние.

Надо уметь убеждать людей. Надо уметь брать на себя ответственность. Надо быть лидером, а не просто «социологом»...

Говорят : нашим гражданам нравится советский гимн, давайте примем советский гимн, они к нему привыкли. Это убожество, которое ведет к деградации. Так рассуждать нельзя. Но это никогда не бывает бескорыстным. За этим всегда скрываются интересы.

Иначе говоря, демократия - в том понимании, о котором я сейчас говорил, - с моей точки зрения, является коренным, фундаментальным интересом всего нашего общества, государства и всей нашей страны. Потому что только демократия может обеспечить свободную, безопасную и интересную жизнь.